В. А. Смирнов

ИНТЕГРАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТА В РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ: ВОЗМОЖНЫЕ СТРАТЕГИИ И КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ РИСКА[1]

В статье анализируется проблема интеграции университетов в региональные сообщества. На основе данных государственной статистики, социологических исследований автор определяет ключевые риски такой интеграции, формирует контуры скоринговой карты, которая позволяет спрогнозировать эффективность процесса научной, образовательной, социальной интеграции небольших региональных вузов и местных сообществ.

Ключевые слова: региональный университет, региональные процессы, интеграция вуза в региональные процессы, риски, скоринговая карта.

V. A. Smirnov

University integration into regional processes: possible strategies and key risk factors

In the article the problem of integration of universities into regional communities is analyzed. On the basis of data of the state statistics, sociological researches the author defines key risks of such integration, forms contours of the scoring card which allows to predict efficiency of process of scientific, educational, social integration of small regional higher education institutions and local communities.

Keywords: regional university, regional processes, integration of higher education institution into regional processes, risks, scoring card.

Введение

Сегодня, в условиях трансформации системы высшего образования в нашей стране, остро стоит вопрос о возможных моделях будущего отечественных университетов. Одним из общих векторов этого будущего, разделяемого значительной частью участников «дискуссии о высшем образовании в России», является понимание значимости тесной интеграции вузов в региональные социально-экономические и политические процессы. При этом важно, что само понятие «интеграция университета в региональные процессы» сегодня практически не определено и трактуется по-разному. Несмотря на широту взглядов относительно взаимодействия вузов и региональных сообществ, все они в той или иной степени связываются с концепцией «трех функций» университета.

Ранее мы отмечали, что все возможные парадигмы взаимодействия университета и региональных сообществ можно свести к трем большим кластерам [8].

1. *Подходы к анализу роли университета в региональном развитии на основе доминирования образовательной функции.*

В рамках данного кластера можно выделить два крупных исследовательских подхода. Во-первых, это пришедший, по всей видимости, еще из СССР подход, связанный с рассмотрением университета как «площадки» для подготовки специалистов для экономики, социальной, политической сферы региона, во-вторых, активно проникающая сегодня в пространство российского научно-образовательного дискурса концепция «обучения в течение всей жизни» (lifelong learning university engagement) [13]. В данном случае роль университета становится более широкой, и вуз рассматривается не просто как «инкубатор» профессиональных кадров для региона, но и как локальность постоянного производства, воспроизводства и транслирования знания в самые разные сообщества региона.

2. *Подходы к анализу роли университета в региональном развитии на основе доминирования научной функции.*

В рамках данного кластера представляется возможным также выделить два подхода к анализу вовлеченности университета в региональные процессы: во-первых, концепцию предпринимательского университета – одну из ведущих парадигм для значительного сегмента высшего образования

[1] Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Университет и сообщества: европейский опыт и российские практики» при финансовой поддержке РГНФ (№ заявки 13-03-00060).

© Смирнов В. А., 2014

как в мире, так и в России [4]; во-вторых, концепцию «вуза, включенного в региональное развитие» (regionally engaged university) [5].

3. *Подходы к анализу роли университета в региональном развитии на основе доминирования социальной («третьей») функции.*

Сегодня во всем мире, и в России в том числе, идет процесс интеграции университетов в местное сообщество не только как образовательных, инновационных, научных площадок, но и как активных участников различных сообществ на локальном, региональном, национальном и международном уровнях. При рассмотрении феномена социально ориентированного университета выделяются два исследовательских направления. Первое рассматривает вуз в традиционной для России (достаточно вспомнить феномен «земского образования») парадигме социального служения преподавателей и студентов [11]. Второе тесно связано с проникающим в Россию концептом социального предпринимательства, предполагающего соединение в себе бизнес-инструментов и социального проектирования [15].

В то же время, как показывает ряд наших исследований [10], дискурсивные модели, описывающие интеграцию университетов в региональные процессы, в большом количестве создаваемые сегодня научным и экспертным сообществом, не всегда в полной мере интериоризируются руководством вузов и становятся частью стратегий развития образовательных организаций. При этом мы полагаем возможным выделить две группы вузов, которые в той или иной мере системно пытаются взаимодействовать с различными региональными сообществами. Во-первых, это проактивные университеты, стремящиеся к экспансии в региональные и межрегиональные сообщества, основной задачей которых является трансфер научных, образовательных, социальных технологий. К этой группе относятся многие ведущие вузы нашей страны, имеющие серьезную финансовую поддержку со стороны государства и способные к коммерциализации собственного интеллектуального капитала. Во-вторых, вузы, которые находятся сегодня в зоне депривации, имеющие низкое государственное финансирование и слабые возможности для капитализации и коммерциализации своего интеллектуального продукта. Если для первой группы регион становится лишь одним, зачастую не самым главным объектом активности, то для второй группы университетов именно региональное пространство является единственно возможным для сохранения своего статуса и своей научной, образовательной и социальной значимости. Немалая часть региональных университетов сегодня – это бывшие советские вузы, созданные под запросы конкретной территории и не имеющие ресурсов для того, чтобы выйти за ее пределы. Поэтому для них так важно найти технологии и формы интеграции в региональные процессы, стать важным элементом региональной экономики и публичной сферы.

Анализу особенностей вхождения таких университетов на «региональный рынок», описанию ключевых факторов риска, сопровождающих этот процесс, будет посвящена данная статья. Ее результатом станет создание своеобразной скоринговой карты, описывающей риски процесса интеграции вуза в региональные процессы.

Стратификация российских университетов как контекст для интеграции в региональные процессы

Намеренным или непреднамеренным последствием (в данном случае мы рассматриваем феномен непреднамеренных последствий в контексте теорий Р. Мертона и Э. Гидденса [3]) реформы высшего образования в России является стратификация российских вузов, возникновение в социальном образовательном пространстве зон стремительного развития и зон депривации. В качестве иллюстрации данного тезиса предложим эвристическую модель двумерного параметрического пространства, в которое, как представляется, укладываются все типы сегодняшних российских вузов. В качестве параметров, образующих наше пространство, возьмем «поддержку государства» – материальную, финансовую – и уровень собственных возможностей для устойчивого развития образовательной организации, индикатором которого является объем привлекаемых вузом внебюджетных средств из самых разных источников (полученных за все виды деятельности: научную, образовательную, социальную). Ниже представлена диаграмма (рис. 1), основу которой составляют данные бюджетов региональных университетов Центрального федерального округа, а также отдельных национальных исследовательских и федеральных университетов за 2013 г.

В рамках предлагаемой нами модели все российские университеты мы объединили в четыре кластера. *Первый кластер (зона депривации)* – это «слабые» региональные университеты, созданные в большинстве своем в советское время для решения конкретных экономических и социальных задач территории. К этой категории относятся ведомственные вузы (например, вузы Министерства

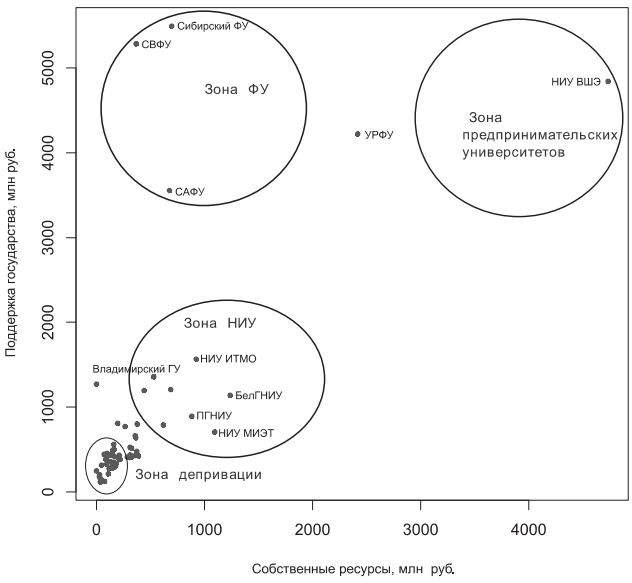


Рис. 1. Стратификация российских университетов

Данные взяты из бюджетов университетов за 2013 г. с официального сайта Российской Федерации для размещения информации о государственных (муниципальных) предприятиях (http://www.bus.gov.ru/public/home.html)

сельского хозяйства РФ), бывшие педагогические вузы, ставшие классическими университетами, и т. д. Отметим, что изначально данная категория вузов не обладала серьезным научным потенциалом или же их научная деятельность базировалась в очень узкой предметной области. Важнейшей характеристикой вузов из зоны депривации является отсутствие возможностей для развития. Это связано с тем, что государственного финансирования и привлеченных ресурсов хватает только на воспроизводство деятельности и частичное содержание инфраструктуры университета. Именно поэтому для университетов данного кластера так важна политика интеграции в региональные социально-политические и экономические процессы.

Второй кластер (зона НИУ) – это новая когорта национальных исследовательских университетов и вузов, не имеющих данного статуса, но обладающих потенциалом для развития. В данный кластер входят университеты, которые имеют достаточно неплохой научный потенциал и готовы его коммерциализировать как в рамках конкретного региона, так зачастую и за его пределами. Отметим, что данная группа вузов получает значительно бóльшую поддержку со стороны государства по сравнению с вузами из первого кластера, что позволяет ей приобретать новое оборудование, лаборатории, повышать качество материально-технической базы для реализации как образовательных, так и научных проектов.

Третий кластер (зона федеральных университетов – ФУ) – это группа федеральных университетов, которые сегодня наряду с крупнейшими вузами страны, такими как МГУ и СПбГУ, являются «стратегическим ресурсом» государства, что, в частности, подтверждается миллиардными вложениями в их развитие. Здесь нам представляется важным указать на очевидную дисфункцию, наглядно представленную на диаграмме. Государственное финансирование федеральных университетов достаточно слабо влияет на коммерциализацию их интеллектуального капитала. Так, например, Северо-Восточный федеральный университет и Сибирский федеральный университет, получив в 2013 г. государственное финансирование в размере более 5 млрд рублей, сами заработали менее 1 млрд рублей, что сопоставимо, допустим, с Владимирским государственным университетом, имеющим гораздо менее серьезное государственное финансирование. В этом контексте представляет интерес Уральский федеральный университет имени первого Президента РФ Б. Н. Ельцина, который демонстрирует достаточно высокой уровень активности по коммерциализации своего интеллектуального капитала и, по нашему мнению, может быть частично отнесен к кластеру предпринимательских университетов.

Четвертый кластер (зона предпринимательских университетов) – это группа университетов, которые наряду с серьезным государственным финансированием достаточно эффективно коммерциализируют свой интеллектуальный потенциал. Эмпирическим правилом для отнесения университета к этому кластеру может быть правило «один к одному», суть которого сводится к тому, что на каждый выделенный государством рубль университет также зарабатывает один рубль. В рамках нашего анализа в кластер предпринимательских университетов мы отнесли НИУ «Высшая школа экономики», правило «один к одному» для которого полностью выполнятся, и Уральский федеральный университет, который, на наш взгляд, значительно ближе к четвертому, нежели к третьему, кластеру. Отметим, что в нашей стране, вероятно, имеются и другие университеты, которые можно отнести к четвертому кластеру, но в данном случае нас в большей степени будет интересовать зона депривации, поэтому мы взяли для иллюстрации четвертого кластера наиболее ярко выраженный предпринимательский университет в нашей стране (НИУ ВШЭ).

Представленная ситуация определяет контекст существования российских университетов и ставит серьезный вопрос о выживании вузов в зоне депривации. Нам представляется, что

единственной на сегодняшний день эффективной стратегией развития является максимально возможная интеграция в региональные экономические, политические, социальные процессы, тем более что это совпадает с теми дискурсивными конструкциями будущего российских университетов, которые циркулируют в российском общественном, экспертном, научном сознании.

Исходя из сформулированной выше логики, отметим, что процесс интеграции университета в региональные процессы может иметь три «точки входа»: научная коммуникация, в рамках которой вуз может стать главным драйвером развития в региональном пространстве инновативной экономики; образовательный процесс как система формирования и развития в регионе площадок для реализации современных эффективных образовательных технологий; и, наконец, социальная, «третья» функция, в рамках которой вуз может выступать не только как партнер региональных сообществ по снижению социальной напряженности и решению социальных проблем, но и как инициатор ключевых, значимых для региона событий, а также институт, способный осуществить трансформацию социокультурной программы жителей территории [10]. Конечно же, данные «точки входа» выделены достаточно условно, поскольку этот процесс носит комплексный характер и затрагивает все сферы жизнедеятельности вуза, тем не менее в каждой конкретной ситуации доминирует та или иная составляющая из трех вышеперечисленных.

Наука как «точка вхождения» в региональное пространство: ключевые риски

Научная деятельность университета является одним из важнейших факторов, способствующих его интеграции в региональные процессы, как экономические, так и социокультурные. Потребность в модернизации региональной экономики, разработке эффективных, привязанных к специфике конкретной территории социокультурных технологий – все это делает высшее учебное заведение одним из ключевых партнеров различных региональных сообществ. При этом важными факторами, определяющими успешность такого «научного» взаимодействия, являются, с одной стороны, готовность региона к финансированию вузовских НИОКР, а с другой – проактивная позиция самого университета, его предпринимательская активность, готовность предлагать региональным сообществам не только эффективные и инновационные технологии и продукты, но и нестандартные формы взаимодействия, в том числе финансового. Следуя логике Б. Кларка [4], в данном случае стоит говорить о том, что российский университет, находящий в зоне депривации, должен сегодня не просто думать о диверсификации своих доходов, но искать и предлагать региональным сообществам, органам власти, бизнесу эффективные и взаимовыгодные формы и механизмы такой диверсификации.

Обратимся к анализу ключевых рисков, которые могут стать препятствием для интеграции университета из зоны депривации в региональные процессы через научную деятельность.

Как уже отмечалось выше, ключевой фактор риска – это способность и готовность региона к прямому финансированию научной деятельности. В данном случае мы не анализируем механизмы получения этих финансовых средств вузом как федеральным учреждением из регионального бюджета (думается, что схемы взаимодействия здесь могут быть самыми разными), а лишь констатируем уровень активности территории в этом направлении. В качестве эмпирической базы обратимся к регионам Центрального федерального округа и оценим объемы финансирования исследований и разработок в них в 2013 г. (см. рис. 2).

Представленные данные наглядно демонстрируют уровень финансовых затрат региона на научные исследования и разработки, создающий определенный фон для собственно научной активности университетов.

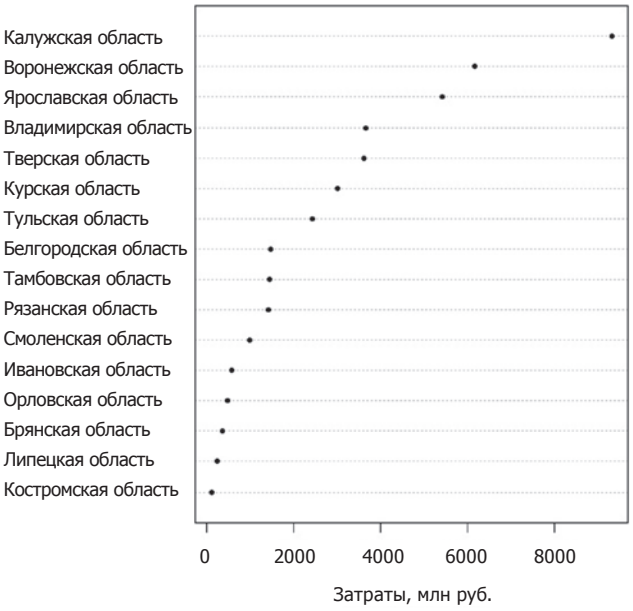


Рис. 2. Внутренние затраты на исследования и разработки по регионам ЦФО

Данные взяты с сайта Федеральной службы государственной статистики РФ (http://www.gks.ru/)

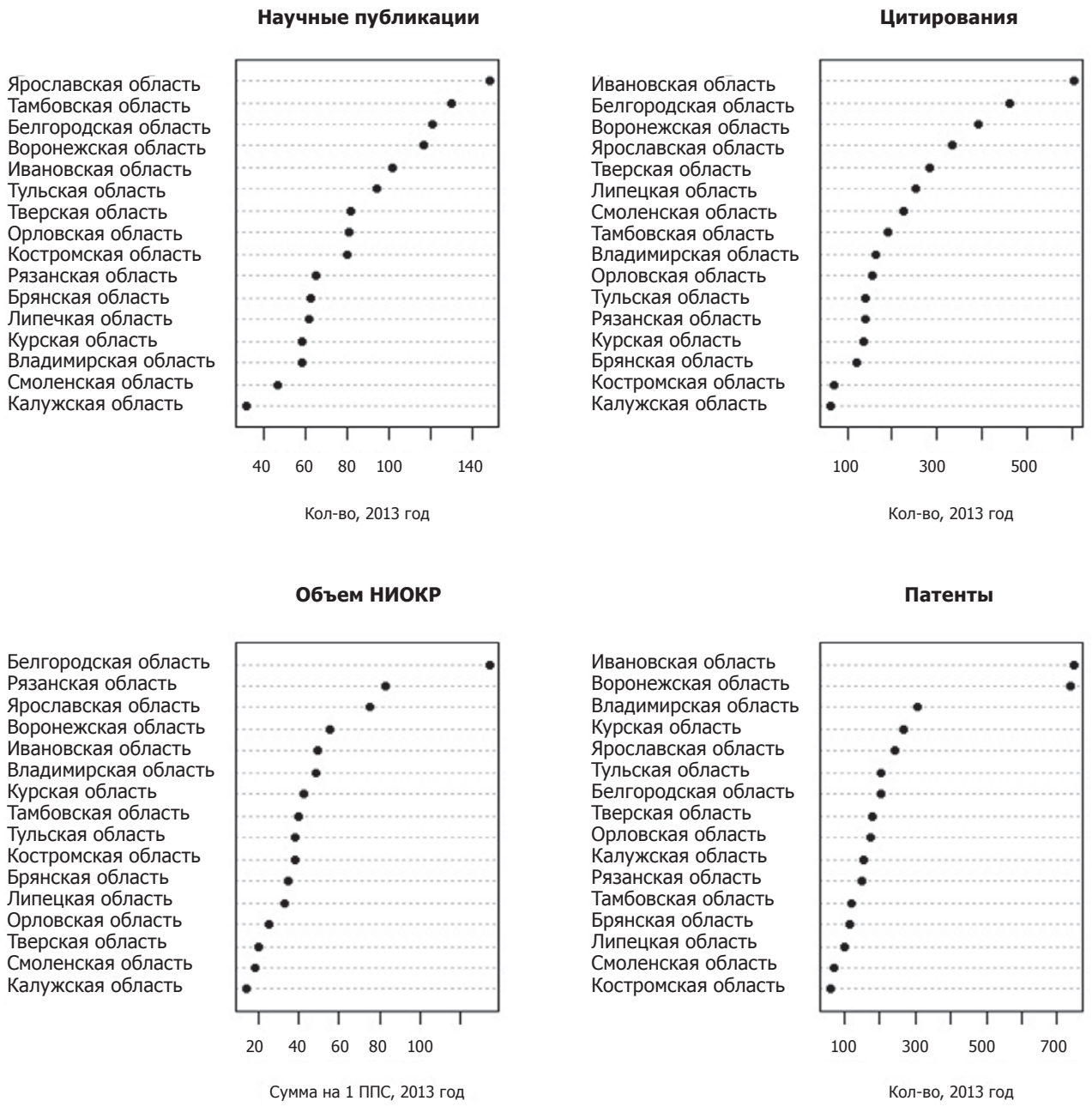


Рис. 3. Научная проактивность университетов

Данные взяты с сайта Федеральной службы государственной статистики РФ (http://www.gks.ru/)

Достаточно очевидно, что для таких регионов, как Костромская, Липецкая, Брянская, Орловская, Ивановская области, и ряда других риски нефинансирования даже самых смелых и инновационных разработок значительно выше, чем в Калужской, Воронежской, Ярославской областях. Отметим, что такая тенденция по регионам ЦФО сохраняется как минимум с 2007 г., создавая петли положительной обратной связи и еще более погружая вузы указанных регионов в состояние депривации.

В то же время, как показывает наше исследование, объем регионального финансирования на научные разработки не всегда является критическим фактором для научной интеграции университета в региональные сообщества. Здесь мы можем наблюдать целый ряд интересных тенденций, которые позволяют нам подойти к определению второго типа рисков, связанных с научной интеграцией университетов и региона, – собственной научной активности вузов. Представленная ниже диаграмма (рис. 3) позволяет более детально изучить данный вопрос.

Ряд региональных университетов демонстрируют четкую линейную связь между объемом

региональных средств, инвестируемых в научные разработки, и объемом научной продукции, предлагаемой вузами. Так, в частности, вузы Воронежской, Ярославской, Владимирской областей, которые достаточно много инвестируют в научные исследования и разработки, демонстрируют более высокий уровень публикационной и патентной активности, цитируемости, коммерциализации научных разработок, чем целый ряд других университетов. В то же время анализ деятельности вузов Калужской области, оказавшихся на последних местах по созданию научного продукта, позволяет констатировать, что не всегда университет обладает необходимым уровнем проактивности и интеллектуального капитала для того, чтобы привлечь огромные региональные ресурсы, выделяемые на научные исследования и разработки. Можно сделать еще одно важное наблюдение: некоторые университеты, несмотря на менее значительный объем регионального финансирования, сохраняют научный потенциал для того, чтобы продолжать активную научную деятельность, которая воплощается в достаточно большое количество публикаций, цитирований, патентов, коммерциализированных научных разработок. Ярким примером в данном случае является Ивановская область, вузы которой демонстрируют низкую зависимость от уровня регионального финансирования науки. Безусловно, в данном случае важно понимать, что такой эффект достигается не всеми вузами региона, а лишь имеющими больший научный потенциал и возможности для его коммерциализации как в рамках региона, так и за его пределами.

Часть университетов, находящихся в «научно депрессивных» регионах, пытаются компенсировать невозможность привлечения региональных финансовых ресурсов повышением публикационной активности, делая попытку если не коммерциализизировать научный потенциал, то хотя бы превратить его в имиджевый ресурс вуза. В тех случаях, когда это приводит к тиражированию научного знания (через увеличение цитирования), данная стратегия может являться эффективной (как, например, в Липецкой области), в тех же случаях, когда научные публикации не используются другими и не цитируются (как в Костромской и Брянской областях), данную стратегию можно считать не более чем имитацией попытки войти в региональную экономику знаний.

Таким образом, ключевыми рисками для интеграции университета в региональные процессы через научную составляющую являются: во-первых, объем государственного финансирования, который тесным образом связан с собственными доходами вуза и влияет на отнесение его к тому или иному кластеру; во-вторых, объем регионального финансирования, выделяемого на научные исследования и разработки; в-третьих, проактивность университета, готовность и способность производить востребованное научное как фундаментальное, так и прикладное знание, несмотря на уровень государственного и регионального финансирования.

Университет как поставщик кадров для региональной экономики

Если исходить из модели трех функций университета [14], то, безусловно, второй «точкой входа» вуза на региональный рынок является образовательная функция, способность готовить необходимые для развития региональной экономики кадры в самых разных сферах и областях. Действительно, в ситуации определенного экономического роста и развития региональных экономик именно университет становится ключевым игроком, поставляющим на региональные рынки молодых специалистов, инноваторов, лидеров, способных к дальнейшей интенсификации социально-экономических процессов.

Говоря о рисках данной стратегии, необходимо отметить, что, как и в предыдущем случае, они могут быть сгруппированы по двум типам: риски, создаваемые регионом, его экономическими и социокультурными особенностями, и риски, связанные со спецификой конкретного вуза.

При анализе региональных рынков можно использовать огромное количество индикаторов, позволяющих оценить уровень развития региональной экономики, преобладание в ней тех или иных сфер и секторов, уровень ее инновационности. В то же время в контексте нашего исследования представляется достаточным использовать два ключевых параметра: индекс миграции и численность экономически активного населения. Действительно, эти два показателя демонстрируют, с одной стороны, общий объем регионального рынка, а с другой – готовность региональных сообществ, органов власти, предпринимателей осуществлять системную деятельность в сфере привлечения и удержания, в первую очередь, молодежи в территориальном пространстве конкретного субъекта Федерации. При отсутствии такой системной деятельности показатели миграционной активности будут иметь отрицательные значения, и, значит, наиболее активные и целеустремленные выпускники университетов будут

Рис. 4. Численность экономически активного населения и коэффициент миграции, 2013 г.

Данные взяты с сайта Федеральной службы государственной статистики РФ (http://www.gks.ru/)

покидать конкретную территорию, перемещаясь в экономически более эффективные регионы. Проиллюстрируем сказанное выше на примере данных Центрального федерального округа (рис. 4).

Представленная диаграмма позволяет увидеть, что целый ряд регионов Центрального федерального округа имеют коэффициент миграции (уровень миграции на 10 тыс. человек) меньше нуля, свидетельствующий о том, что в указанных регионах идет отток населения – и в первую очередь молодого поколения, в том числе выпускников вузов, – в другие регионы страны. Уровень миграции связан как с небольшим объемом регионального рынка, так и с недостаточным уровнем комфорта проживания и работы в конкретной территории. Безусловно, такая ситуация ведет к тому, что региональные вузы оказываются в ситуации риска относительно своего участия в обеспечении региональной экономики кадрами. Это связано с тем фактом, что объем регионального рынка или же условия труда не соответствуют запросам выпускников университетов, и они покидают депрессивные регионы. В данном случае возникает серьезная проблема, связанная с доверием между региональными сообществами и вузами. Как показывает наше исследование, в частности включенное наблюдение за процессами интеграции университетов Костромской области в региональные социально-экономические процессы, региональные сообщества (бизнес, органы государственной и муниципальной власти) предъявляют серьезные претензии университетам, которые, по их мнению, не обеспечивают региональную экономику кадрами, в первую очередь отдаленные районы области и сельские территории, не создают условия для того, чтобы выпускники вузов оставались на территории области. И в данном случае возникает серьезная латентная системная проблема, суть которой сводится к следующему. В ситуации противоречий между университетом и регионом у вуза фактически исчезает потребность в повышении уровня и качества преподавания, поскольку чем они выше, тем большее количество выпускников покидает регион в поисках более комфортного для проживания и работы места. Важен и другой момент: в последние годы постоянно растет отток абитуриентов из регионов, которые уезжают на учебу в крупные мегаполисы и столицу, тем самым создавая еще большее напряжение на региональных рынках [9]. В контексте нашего исследования важен тот факт, что зачастую региональные сообщества не только не пытаются «переформатировать» мышление выпускников школ, но еще и всячески стимулируют подобную миграцию. Данная проблема достаточно слабо рефлексируется как в региональных университетах, так и в региональных сообществах. При этом перекладывание этих рисков с уровня органов региональной власти, бизнес-сообщества, родителей на университет не только не способствует решению проблемы, но еще и разрушает доверие между ними, что может стать одним из ключевых факторов социальной нестабильности в конкретной территории [12].

В такой ситуации региональные вузы, чтобы сохранить студенческий контингент, вынуждены набирать абитуриентов с низкими баллами ЕГЭ или же привлекать иностранных граждан из стран бывшего СССР, зачастую также с низким уровнем среднего образования и знания русского языка, что в еще меньшей степени способствует эффективному «производству» специалистов с высоким уровнем человеческого капитала для региональных экономических, социокультурных, политических рынков.

Говоря о внутренних университетских рисках, которые сопровождают процесс образовательной интеграции вуза в региональные сообщества, необходимо указать на тот факт, что сегодня остро встает вопрос о развитии у студентов надпрофессиональных компетенций, позволяющих им быть более успешными, чем выпускники других вузов. Действительно, наличие эффективных и востребованных сегодня у выпускников компетенций, выходящих за рамки профиля обучения, это стратегический фактор для определения университета как ключевого партнера региональных сообществ. В данном контексте можно говорить о самых разных компетенциях, но общий тренд развития высшего образования в нашей стране предполагает, что одной из самых востребованных в ближайшие годы будет предприимчивость как особая черта личности человека, позволяющая ему искать возможности за рамками имеющихся ресурсов [2]. Речь не идет о предпринимательстве в узком смысле этого слова, а именно о предприимчивости, которая может стать фактором успеха в любой сфере человеческой деятельности. Вопрос о том, насколько сегодняшние российские университеты формируют предприимчивость у своих студентов, безусловно, требует отдельного исследования. В данном контексте мы лишь представим результаты социологического исследования вузов Министерства сельского хозяйства РФ, проведенного ФГБОУ ВПО «Костромская ГСХА» в 2014 г.[2]. Участникам исследования было предложено оценить выраженность тех или иных качеств у преподавателей своего вуза. Результаты исследования демонстрируют тот факт, что более 80 % опрошенных студентов указывают на недостаточную развитость у преподавателей вузов таких качеств личности, как предприимчивость, креативность, способность к проектному мышлению. Полученные результаты подтверждаются и другими исследователями [1]. В условиях развития региональных «экономик знаний», серьезной конкуренции университетов на узких региональных рынках низкий уровень развития предприимчивости профессорско-преподавательского состава является, по нашему мнению, одним из ключевых рисков интеграции вуза как образовательной системы в региональные сообщества.

Таким образом, особенности региональных рынков, готовность жителей региона оставаться и работать в своей территории, а также наличие у регионального университета уникальных технологий, способствующих развитию не только профессиональных, но и надпрофессиональных компетенций, – все это факторы, способствующие интеграции вуза как образовательной площадки в региональные сообщества.

Контуры скоринговой карты

В завершение остановимся на оценке возможности реализации стратегии интеграции университета в региональные процессы с опорой на социальную, «третью» функцию. Необходимо констатировать тот факт, что данная стратегия в принципе невозможна, поскольку, если университет не может предложить региональным сообществам ничего, кроме некоторых форм реализации социальной функции, он либо становится неконкурентоспособным на фоне специализированных служб и организаций, либо перестает в полной мере быть университетом.

Подводя итоги, выделим ключевые риски, которые можно условно расположить на нашей скоринговой карте, которая позволит с определенной долей вероятности спрогнозировать будущее конкретного регионального университета и его интеграционный потенциал по отношению к региону и региональным процессам.

Во-первых, это риски низкого государственного финансирования университета (см. рис. 1). Как наглядно видно на представленной диаграмме, между уровнем государственного финансирования университетов и собственными доходами имеется линейная связь: в частности, коэффициент корреляции Пирсона между этими параметрами составляет 0,64 и значим на уровне $p < 0{,}001$. Это позволяет констатировать тот факт, что университет, оказавшийся в зоне депривации или на границе с ней, будет иметь значительно меньше возможностей для собственного развития и сохранения себя как высшего учебного заведения.

Во-вторых, выживание университетов, находящихся в зоне депривации, возможно при условии активной, системной и эффективной интеграции

[2] Выборка исследования составила 2512 человек. Выборка репрезентативная, квотная, стратифицированная по полу и возрасту. Участие в исследовании приняли студенты из 25 регионов России.

в региональное пространство, занятие в нем ключевых научных, образовательных, политических, социальных позиций. Важным фактором в данном контексте является уровень регионального финансирования научных исследований и разработок. Как наглядно продемонстрировало наше исследование, российские регионы дифференцированы с точки зрения финансирования науки. Есть регионы, где ежегодное финансирование научных разработок составляет от 5 до 8,5 млрд рублей, при этом в Центральном федеральном округе есть территории, в которых объем регионального финансирования науки составляет значительно меньше 1 млрд рублей. Как мы уже отмечали, значительная часть региональных вузов – это университеты, созданные под запросы конкретной территории, именно поэтому их выход на межрегиональный и всероссийский исследовательские рынки существенно затруднен. В этой ситуации неготовность региона финансировать научные разработки вузов становится важным фактором риска для их научной интеграции в региональные процессы. В то же время наше исследование показало, что при определенной активности университет способен продуцировать научное знание и научные разработки, несмотря на низкое федеральное и региональное финансирование. При этом мы могли наблюдать и обратную тенденцию, когда при высоком уровне регионального финансирования университет не в состоянии «забрать» эти деньги у региона, предложив некий интересный региональным сообществам продукт. Таким образом, еще одним фактором риска при научной интеграции университета в региональные процессы является собственная проактивность вуза, его готовность и способность к производству востребованных научных продуктов, умение «взять» те региональные ресурсы, которые имеются в территории. Критерием данного типа рисков является объем финансирования, который университет в конкурентной борьбе с другими научно-исследовательскими и венчурными структурами способен «забрать» из регионального бюджета, а также объем научного продукта в виде статей, полезных разработок, технологий, которые вуз может произвести на основе полученного финансирования. Здесь мы должны сделать одно важное замечание. Говоря об интеграции университета в региональные процессы, мы рассматриваем данный процесс как взаимовыгодный. Именно поэтому мы считаем возможным сравнивать объем регионального финансирования науки и объем научного продукта в виде статей, патентов и т. д. Вполне возможна ситуация, когда вузовские исследователи выполняют НИОКР для региональных структур, при этом ни одного рубля не принося университету, в котором они работают. Такая модель не может рассматриваться как эффективная, поскольку университет как институт не получает от такого партнерства никаких результатов, ни научных, ни финансовых, ни имиджевых.

В-третьих, попытки университета войти на региональные рынки через образовательную функцию также подвержены целой группе рисков. С одной стороны, это уровень развития региональной экономики и социальной сферы, который либо привлекает людей на данную конкретную территорию, либо заставляет их бежать из нее. Для того чтобы предлагать даже самый качественный образовательный продукт на региональный рынок, университет должен быть уверен в том, что его выпускники смогут не просто получить какую-либо работу, но стать успешными и иметь возможность комфортно проживать в данной территории. Как показало наше исследование, в некоторых регионах Центрального федерального округа количество экономически активного населения настолько мало по сравнению с другими крупными регионами, что это приводит к постоянному оттоку молодого поколения из данной территории. Это не только ведет к напряжению между университетами и региональным бизнесом и властью, но и снижает качество образования в вузах, поскольку миграция молодежи зачастую начинается сразу после школы. Непривлекательность территории для жизни заставляет молодежь с высоким человеческим капиталом покидать регион, оставляя для региональных университетов абитуриентов из слаборесурсных социальных слоев, зачастую неспособных в дальнейшем к серьезным достижениям в контексте «экономики знаний». Такая ситуация требует от университета разработки эффективных образовательных технологий, проектного, практико-ориентированного, предприимчивого образования, способствующего разрушению указанных деструктивных паттернов. Отсутствие таких технологий, неактуализированность данной проблемы на дискурсивном уровне у значительной части профессорско-преподавательского состава ведет к тому, что данные риски не только не преодолеваются, но и находятся в ситуации постоянной эскалации.

Представленная модель скоринговой карты позволяет, с одной стороны, сделать предположение о дальнейшем сокращении числа российских университетов, поскольку у вузов из зоны депривации практически нет ресурсов для собственного развития, а риски интеграции в региональное

пространство высоки и на сегодняшний день зачастую даже не актуализируются администрациями вузов. С другой стороны, предлагаемая модель представляет собой, как нам кажется, неплохой эвристический инструмент для прогнозирования будущего конкретного университета, определения ключевых рисков и поиска возможностей по их преодолению и компенсации. Действительно, если администрация вуза понимает, что объем его государственного финансирования достаточно низкий, региональные ресурсы, выделяемые на научные разработки также незначительны и нет никаких оснований считать, что они вырастут, то встает вопрос о серьезном поиске внутренних источников развития, способных преодолеть сложившуюся ситуацию, либо о поиске возможностей для межрегиональной интеграции, либо же, наконец, об изменении мышления ключевых региональных сообществ и вовлечении их в развитие конкретного университета.

Некоторые рекомендации по интеграции университета в региональные процессы (вместо заключения)

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько важных рекомендаций для топменеджеров российских вузов, находящих в зоне депривации, которые, как представляется, могут стать основой для разработки системной политики, ориентированной на интеграцию в региональные процессы. Представленные формы, методы и практики апробированы лично автором, а также коллегами из различных вузов страны, в частности в рамках проекта некоммерческого фонда «Новая Евразия» – «Университет и сообщество», реализованного в 2010–2013 гг. [6].

Выше мы отмечали, что попытка выйти на региональные рынки, опираясь только на «третью», социальную функцию вуза, заведомо обречены на провал. В то же время если рассматривать социальную функцию университета как своеобразного «троянского коня», с помощью которого вуз сможет презентовать для региональных сообществ свои образовательные и научные продукты, то такой подход имеет право на существование и, более того, зачастую может стать единственно возможным. Нам представляется, что в данном направлении можно использовать две стратегии. *Первая* предполагает максимально широкое открытие университета для региональных сообществ. Это стратегия может быть реализована через создание в вузе «дружелюбного интерфейса» [10], когда в учебном заведении организуются площадки для коммуникации, диалога, популяризации научных и образовательных проектов и т. д. При этом очень важно помнить, что создание таких площадок не является целью, а выступает средством демонстрации потенциала университета для повышения эффективности региональной экономики, управления территорией, решения социокультурных проблем. В данном контексте мы можем предложить алгоритм создания «дружелюбного интерфейса» университета, который, как нам кажется, является универсальным для любого вуза.

- Изучение и типология региональных сообществ по самым разным основаниям (демографическим, социально-экономическим, этническим, культурным и т. д.). В данном случае важно ответить на вопросы: кто живет в территории? как эти сообщества конструируют свою идентичность? как они ее сохраняют? кто является лидером в этих сообществах? Интеграция в региональные процессы может осуществляться через самые разные региональные сообщества, поэтому так важно понимать социокультурную структуру региона.
- Проактивный выход в сообщества. В данном случае речь идет об активности университета, о готовности его сотрудников, студентов выйти в поле реальной, «живой», «уличной» коммуникации с разными сообществами. Как показывает опыт включенного наблюдения за процессом интеграции разных вузов в региональное пространство, зачастую администрации университета кажется достаточным «открыть» учебное заведение для региональных сообществ, создать возможную инфраструктуру для коммуникации. К сожалению, открытость университета не является достаточным условием для привлечения представителей региональных сообществ в вуз. Возникает потребность именно в активном вовлечении жителей, бизнес-сообщества, власти в коммуникативное пространство вуза, в формировании установки на партнерство с опорой на культуру доверия [12].
- Развитие пространства для коммуникации на основе культуры доверия и взаимной ответственности. В данном случае важно уйти от имитации коммуникации, от ее схематизации и сценичности и постараться выстроить действительно доверительное общение. В этой ситуации университет может стать своеобразным фасилитатором этого процесса, обеспечив каждому региональному сообществу возможность быть услышанным.

В процессе системного выстраивания коммуникации с региональными сообществами

проявляются многие региональные проблемы, которые могут быть решены университетом уже как образовательной и научной организацией. Это проблемы отдельных сообществ, региональной власти, бизнеса, которые могут быть решены учеными вуза, преподавателями и сотрудниками. Приведем кейс одного из аграрных университетов – Великолукской государственной сельскохозяйственной академии. Начав выстраивать коммуникацию с местным сообществом, вуз сумел выявить целый спектр проблем такой категории жителей, как дачники, что позволило ему предложить данному региональному сообществу (достаточно представительному) целый спектр научных исследований и образовательных программ, что, в свою очередь, стало одним из источников финансирования академии [6].

Вторая стратегия – это производство в регионе событий, востребованных региональными сообществами, бизнесом, которые не реализуются другими социальными институтами территории. Так, например, проведение Костромской государственной сельскохозяйственной академией осенью 2014 г. межрегионального форсайта по теме развития сельских территорий позволило вузу в очередной раз заявить о себе как о ресурсном центре по развитию сельских территорий региона, сформировать повестку коллегии при губернаторе, выявить значимые проблемы в сфере переподготовки фермеров и предложить для них образовательную программу, заручиться поддержкой регионального бизнес-сообщества по поводу необходимости проведения комплексного социолого-экономического исследования в сфере устойчивого развития сельских территорий Костромской области.

Таким образом, университеты, находящиеся в зоне депривации могут использовать «третью» функцию как драйвер развития науки в вузе, как механизм разработки и реализации новых образовательных проектов для региональных сообществ, что, в свою очередь, позволяет привлекать дополнительные финансовые ресурсы в университет.

Кроме этого, проведенное нами исследование продемонстрировало, что регионы Центрального федерального округа существенно различаются по объему финансирования научных исследований и разработок. Это является серьезным риском для региональных вузов, чей научный продукт ориентирован на локальную специфику. В этой ситуации необходимо говорить о диверсификации финансирования вуза, о поиске механизмов для привлечения дополнительных региональных ресурсов. Как нам представляется, сегодня в среде небольших региональных вузов недостаточно используется ресурс некоммерческих организаций, при том что объемы государственного (как федерального, так и регионального) финансирования НКО постоянно возрастают. Так, в частности, в большинстве регионов гранты на деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций составляют до 600 тыс. рублей, что сопоставимо со средним грантом РГНФ. Понятно, что попытки использовать НКО для привлечения ресурсов под научные и образовательные проекты требуют определенного «переформатирования» деятельности исследователей и преподавателей, но в современных условиях трансформации системы высшего образования это достаточно адекватный способ сохранения университета как институции. Опыт автора позволяет констатировать, что использование потенциала некоммерческих организаций для реализации научных и образовательных проектов способно ежегодно привлекать от 1,5 до 2 млн рублей, что в случае конкретного вуза (в котором работает автор) составляет около 10 % от общего объема финансирования, привлекаемого на НИОКР.

Важно и то, что развитие системы некоммерческих организаций в вузе способно частично решать многие проблемы финансирования отдельных направлений функционирования университета. Так, например, деятельность ТОСа (территориальное общественное самоуправление) «Студенческий городок», имеющего статус зарегистрированной НКО, в Костромской государственной сельскохозяйственной академии [7] позволяет привлекать региональные ресурсы, в том числе и на содержание студенческих общежитий, значительная часть инфраструктуры которых финансируется из внебюджетных средств. Важно понимать, что полученные НКО средства не отражаются в бюджете вуза и не влияют на показатели мониторинга Министерства образования и науки РФ в части объема денежных средств на одного ППС, но тем не менее позволяют университету более вариативно решать отдельные вопросы своей жизнедеятельности. Подчеркнем еще раз, что данная модель наиболее эффективна для университетов, находящихся в зоне депривации, поскольку для целого ряда вузов, например федеральных университетов, указанные проблемы неактуальны. (В этом контексте уместно упомянуть Казанский федеральный университет, получивший в свое распоряжение целый кампус для проживания студентов после проведения Летней универсиады в 2013 г. Это, безусловно, снимает с администрации вуза проблему сохранения и развития инфраструктуры студенческих общежитий на ближайшие годы.)

Таким образом, стратификация российского высшего образования ведет к тому, что небольшие региональные университеты вынуждены искать возможности сохранения себя как институций в региональном контексте. Здесь они сталкиваются с целым рядом рисков и затруднений. В то же время при разработке и реализации гибкой управленческой политики, развитии предприимчивости администрации, профессорско-преподавательского состава и студенчества региональных вузов, поиске возможностей за рамками имеющихся ресурсов даже в современных сложных условиях существуют модели трансформации университета в современный, востребованный на уровне региона вуз.

1. *Алексеева Е. С.* Развитие предприимчивого мышления в среде студентов и старшеклассников // Alma Mater: Вестник высшей школы. 2013. № 8. С. 32–35.

2. *Алексеева Е. С., Светенко Т. В.* Предприимчивость как интегральная черта личности // Alma Mater: Вестник высшей школы. 2014. № 3. С. 83–87

3. *Гидденс Э.* Устроение общества: очерк теории структурации. 2-е изд. М.: Академический проект, 2005.

4. *Кларк Б.* Создание предпринимательских университетов. М., 2011.

5. *Перфильева О. В.* Университет и регион: на пути к реализации третьей функции // Вестник международных организаций. 2011. № 1. С. 133–144.

6. *Светенко Т. В.* Успешные практики взаимодействия университетов с местным сообществом. М.: Новая Евразия, 2013.

7. *Смирнов В. А.* Внеучебная работа в вузе: некоторые проблемы и возможные пути развития // Alma Mater: Вестник высшей школы. 2014. № 11. С. 28–35.

8. *Смирнов В. А.* Методика оценки интеграции вуза в региональные процессы // Alma Mater: Вестник высшей школы. 2013. № 11. С. 13–18.

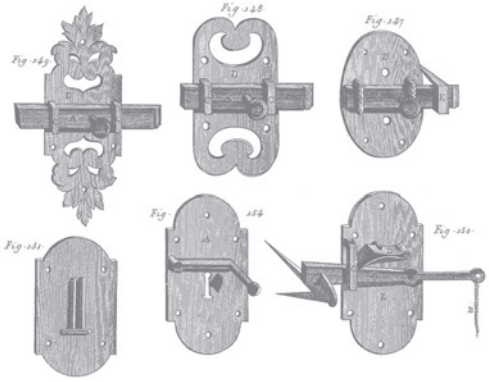
9. *Смирнов В. А.* Социальные проблемы молодежи российской провинции // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2008. № 2. С. 15–28.

10. *Смирнов В. А., Фадеева Л. А., Пунина К. А., Голубев С. В.* Университет и региональные (городские) сообщества: модели сосуществования и управленческие механизмы интеграции (российский и европейский опыт) // ARS ADMINISTRANDI. 2013. № 4. С. 102–116.

11. Университет в Российской империи XVIII – первой половине XIX века / под общ. ред. А. Ю. Андреева, С. И. Посохова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.

12. *Штомпка П.* Доверие основа общества. М.: Логос, 2012.

13. *Fretwell D., Colombano J.* Adult Continuing Education: An Integral Part of Lifelong Learning: Emerging Policies and Programs for the 21st Century in Upper and Middle Income Countries. World Bank Discussion Paper. 2000. April [Электрон. ресурс]. URL: http://siteresources.worldbank.org/EDUCATION/Resources/278200-1099079877269/547664-1099079911871/Adult_Continuing_Edu.pdf.

14. *Laredo Ph.* Toward a Third Mission for Universities [Электрон. ресурс] // Main Transformations, Challenges and Emerging Patterns in Higher Education Systems / UNESCO Research Seminar for the Regional Scientific Committee for Europe and North America. Paris, 5–6 March, 2007. URL: http://portal.unesco.org/education/fr/files/53913/11858787305Towards_a_third_Mission_universities.pdf/Towards_a_third_Mission_universities.pdf.

15. Social Entrepreneurship / ed. by J. Mair, J. Robinson, K. Hockerts. New York: Palgrave Macmillan, 2006.